

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

Предисловие

В книге собраны статьи разных лет, тяготеющие к единой теме, ныне вынесенной в общее заглавие. «Любовь к Пушкину (непонятная для иностранцев), — замечала Л. Я. Гинзбург, — верный признак человека русской культуры. Любого другого русского писателя можно любить или не любить — это дело вкуса. Но Пушкин как явление для нас обязателен. Пушкин — стержень русской культуры. Выньте стержень — связи распадутся»¹. Прежде всего это связи — с культурным прошлым, которые во многом были восстановлены Пушкиным. «История русской культуры XVIII—XX столетий, — подчеркивал академик Д. С. Лихачев, — это по существу постоянный и очень интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог далеко не мирный. В ходе этого диалога культура Древней Руси как бы росла, становилась все значительнее и значительнее»².

«Немирным», творческим был и диалог Пушкина с его современниками. Намечая свой собственный путь, наиболее талантливые из них нередко вступали с ним в спор, который по-своему стимулировал художественные поиски и откровения.

Русская литература — и ее золотого, и серебряного веков — складывалась и развивалась постоянно под знаком Пушкина³. Речь здесь должна идти не просто о влиянии, а именно о пушкинском языке русской культуры, неисчер-

¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 327.

² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 158.

³ Краткую библиографию по этой теме см. в кн.: Фришман Л. Семинарий по Пушкину. Харьков, 1995.

паемое богатство которого развито в столь разностильных романах, как «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Петербург» Андрея Белого.

По-особому присутствует Пушкин в антиутопиях начала XX века. В новоязовском мире, изображенном в романе «Мы» Е. Замятина, память о Пушкине хранится, однако, в Древнем Доме: «С полочки на стене прямо в лицо мне приметно улыбалась курносая асимметричная физиономия какого-то из древних поэтов (кажется, Пушкина)». А за Зеленой Стеной герой видит изображение «крылатого юноши», у которого «прозрачное тело, и там где должно быть сердце, — ослепительный, малиново тлеющий уголь. И опять: я понимаю этот уголь... или не то... чувствую его — так же, не слыша, чувствую каждое слово»⁴.

Трогательно комичен герой роман А. Платонова «Чевенгур» Степан Копенкин, но в его путеводном идеале откликается Sancta Rosa пушкинского «рыцаря бедного»:

— Роза! — уговаривал свою душу Копенкин и подозрительно оглядывал какой-нибудь голый куст: так же ли он тоскует по Розе. Если не так, Копенкин подправлял к нему коня и ссекал куст саблей: если Роза тебе не нужна, то для иного не существуй — нужнее Розы ничего нет.

В шапке Копенкина был зашит плакат с изображением Розы Люксембург. На плакате она нарисована красками так красиво, что любой женщине с ней не сравняться...⁵

Может быть, самой удивительной реминисценцией из Пушкина стал припев коммунистического гимна «Интернационал»: «Это будет последний / И решительный бой...»⁶.

⁴ Замятин Е. Избранные произведения. М., 1989. С. 564—565, 630.

⁵ Платонов А. Чевенгур. М., 1988. С. 121.

⁶ См.: Листов В. С. «Темный твой язык учу...» (в печати). После 1917 года уже пели: «Это есть наш последний / И решительный бой...».

В оригинале Э. Потье «решительного» нет⁷. Так написал в 1902 году русский поэт, член РСДРП А. Я. Коц, который и ранее в своих произведениях обращался к Пушкину, а в переложении французского стихотворения использовал формулу, дважды повторенную в «Сценах из рыцарских времен» — в диалоге алхимика, изобретателя пороха Бертольда Шварца и его кредитора Мартына:

Бертольд

⟨...⟩ Ты знаешь, что я обещался Пресвятой Богородице разделить мою тайну с тем, кто поможет мне при *последнем и решительном* моем опыте.

Мартын

Эх, отец Бертольд, охота тебе разоряться! Куда ж ты? — постой! Ну, так и быть. На этот раз дам тебе денег взаймы. Бог с тобою! Но смотри ж, сдержи свое слово. Пусть этот опыт будет *последним и решительным*» (VII, 218; курсив мой. — С. Ф.⁸).

В любви русских к Пушкину были и будут еще, конечно, свои провалы.

Уже многие, — писал В. Ходасевич (в 1921 г!), — не слышат Пушкина, как мы его слышим, потому что от грохота последних шести лет стали они туговаты на ухо. Чувство Пушкина приходится им переводить на язык своих ощущений, притупленных раздирающими драмами кинематографа. Уже многие образы Пушкина меньше говорят им, нежели говорили нам, ибо неясно им виден мир, из которого почерпнуты эти образы, из соприкосновения с кото-

⁷ Ср.: «C'est la lutte finale: / Groupons-nous et demain, / L'Internationale / Sera le genre humain» (*Potier E. Chants révolutionnaires. Paris, 1937. P. 23.* Перевод: «Это последняя битва: / Объединимся, и завтра / Интернационал / Станет образом жизни человечества»).

⁸ Произведения Пушкина цитируются по Большому академическому изданию (1937—1949). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме, даются сокращенно — с подразумеваемым префиксом: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, фонд 244, опись 1.

рым они родились. И тут снова — не отщепенцы, не вырожденки: это просто новые люди. Многие из них безусыми юношами, чуть ли не мальчишками, посланы были в окопы, повидали горы трупов, сами распоролы немало человеческих животов, нажгли городов, разворотили дорог, вытоптали полей — и вот вчера возвратились, разнося свою психическую заразу. Не они в этом виноваты — но все же до понимания Пушкина им надо еще долго расти. Между тем необходимость учиться и развиваться духовно ими осознается недостаточно — хотя в иных областях жизни, особенно в практических, они проявляют большую активность⁹.

Пушкин еще при жизни своей в полной мере испытал охлаждение читающей публики и критические разносы. Достаточно вспомнить хотя бы статью В. Г. Белинского «О русской повести и повестях Гоголя», где, расчищая пути гоголевскому направлению, критик утверждал:

Итак, Марлинский, Одоевский, Погодин, Полевой, Павлов, Гоголь — здесь полный круг истории русской повести. Да — полный, может быть, чересчур полный; но я говорил здесь о всех повестях, в каком бы то ни было отношении примечательных, а эта примечательность состоит не в одной художественности, но и во времени появления, и во влиянии, хорошем или дурном, на литературу, в большей или меньшей степени таланта, и, наконец, в самом характере и направлении. Поименованные мною авторы должны быть упомянуты в истории русской повести, по всем этим отношениям и суть истинные ее представители. О других, которых много, очень много, умалчиваю, ибо при всех своих достоинствах, они не касаются предмета моей статьи, и перехожу к г. Гоголю...¹⁰

⁹ *Ходасевич В. Ф.* Колеблемый треножник // А. С. Пушкин: Pro et contra: Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 486.

¹⁰ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1948. С. 123–124.

Ни «Повести Белкина», ни «Пиковая дама» в этом обзоре даже не упомянуты. И впоследствии Белинский, при всей своей проницательности, не заметил новаторства Пушкина в области прозы, напрямую использующей (или имитирующей) документ. Поиски Пушкина в этом направлении являются предвестьем художественных откровений Новейшего времени.